

Солженицын Александр

1998 10-16 эк.
16.12.98

Земский учитель свободы

Александру Солженицыну — восемьдесят лет

Общая газета, 1998,
— 10-16 эк. — с. 1

ЭТОТ ПОРТРЕТ был сделан нашим фотокорреспондентом Сергеем Хворостовым за несколько дней до восьмидесятилетия Солженицына. Редакция «ОГ» поздравляет Александра Исаевича — сердечно, с бесконечным уважением.

Поздравления Солженицыну теперь на каждой печатной странице, в любой теле- и радиопередаче. Все желают писателю добра, здоровья. Времена же, когда советский режим остервенело добивался сокрытия самого имени Солженицына, представляются из нашего далека почти невероятными. Тем не менее многие кагэбисты и чекисты так в этом преуспели, что книги писателя, читанные на протяжении почти четырех десятилетий, памяти не только содержанием, но и тем, где и как их удавалось получить. Толстый том со слепыми страницами многочисленных машинописных копий — это самиздатовский «В круге первом». «Архипелаг ГУЛАГ» передан по дружбе в Белграде корреспондентом «Правды», я читал его трое суток, не выходя из номера. «Август Четырнадцатого» — получен из-под полы в оккупированной советскими войсками Праге.

Да что вспоминать далекие времена. Ровно десять лет назад — день в день — отмечали семидесятилетие Александра Исаевича. Необоротимым упорством Элема Климова, Андрея Смирнова был устроен вечер в Доме кино. Юрию Карякину, Лену Карпинскому, мне дозволили выступить. А вот напечатать самый скромный отчет об этом вечере никак не разрешалось. Отдел пропаганды ЦК КПСС исследовал каждую строчку. В конце концов в «Московских новостях» публикация появилась вопреки запрету.

Сократить Солженицына было не дано. Еще бы! Уже написан «Один день Ивана Денисовича». И опубликован (!!!) в десятой книжке «Нового мира» за 1962 год.

...Память поразительно совмещает события, происходящие пусть и в разное время, но близкие по смыслу. Помню, как в ночь на 31 декабря улетал в командировку. Редакционную машину через Красную площадь (тогда там разрешалось движение) не пропустили. Все было оцеплено. Позже я узнал, что как раз в ту ночь извлекали из Мавзолея тело Сталина. А тогда, добравшись до аэродрома, расположившись в самолете, открыл свежий номер «Нового мира», принялся читать «Один день Ивана Денисовича», впервые ощутив магию солженицынского письма: такой текст невозможно пробежать глазами — задерживаешься на каждом слове, будто движешься по булыжной мостовой.

Память, однако, подвела: между освобождением Мавзолея и публикацией «Ивана Денисовича» разрыв в целый год. Соединилось же то и

другое потому, что это были, пожалуй, последние прорывы в антисталинской борьбе. Дальше началось отступление. Солженицын противостоял ему и «В круге первом», и в «Раковом корпусе», и в каждой написанной им строчке... А самое главное — противостоял мужеством личности, которая выдержала поединок, ни в чем не уступив режиму, пустившему под откос бесчисленное множество жизней.

Нынче о сокрытии Солженицына и речи быть не может. Скорее, сам Александр Исаевич предпочитает быть подальше от суетной толкотни российских буден. Он не сторонится встреч — отнюдь. За последние годы писатель побывал в 26 областях, повидаться с ним приходили и сотни, и тысячи людей. А вот общения с политиканствующей элитой избегает. Отстраненность Солженицына — в его глубоком и абсолютном нежелании дать возможность, повод, предлог к использованию имени писателя в очередных дворцовых комбинациях. А попытки к тому были: высказывались предложения, строились догадки — какое место в политической жизни займет Солженицын по возвращении в Россию. «Место» же ему оказалось не нужным. Ради чего? В стране сегодня любое политическое событие, любая политическая кампания по своим тайным целям, по своему скрытому содержанию — прямая противоположность тому, о чем говорится вслух.

Коммунисты мельтешат с возвращением на Лубянку памятника Дзержинскому. Они вдруг воспылали любовью к Феликсу Эдмундовичу? Ах, оставьте! Коммунисты провоцируют столкновение, экспериментируют, насколько могут в очередной раз прогнуться демократы. Быть может, коммунисты даже добьются своего. Но «Архипелаг ГУЛАГ» — самое гневное разоблачение большевистского террора — уже написан. Исправить его никому не дано! Вся жизнь Солженицына убеждает: стрелки часов в обратную сторону не идут. Не идут, хотя ты тресни!

Солженицын принял на себя крест постижения жизни. Такой, какая она есть. И отбрасывает все, что ему в этом мешает. В силу этого, если хотите, именно поэтому Александр Исаевич первым среди мыслящих людей российской современности высказал убеждение: советскую власть нельзя ни улучшить, ни очеловечить. От нее можно лишь избавиться.

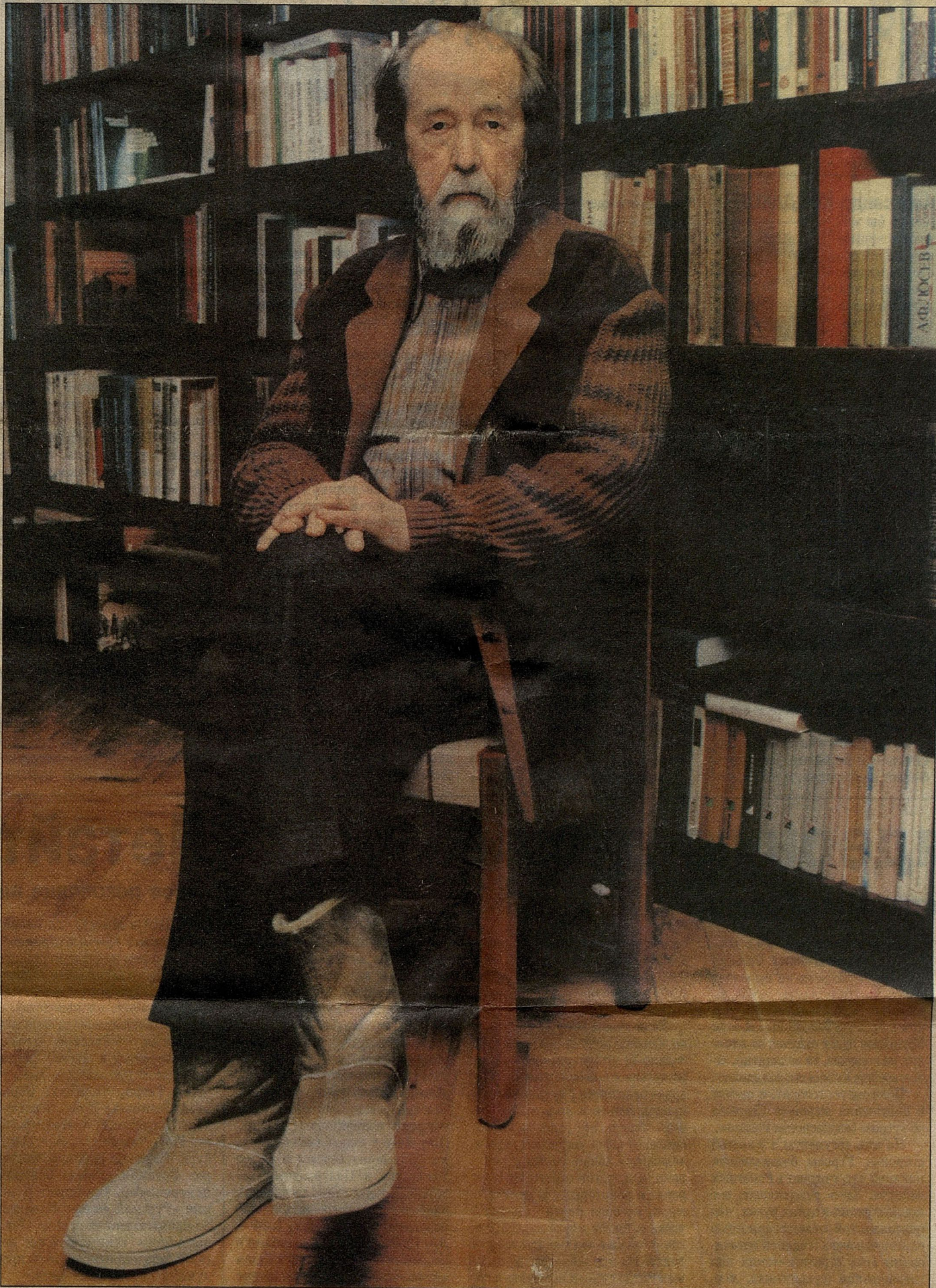
Тогда я был с ним не согласен. Но Солженицын оказался прав.

Бодался теленок с дубом. И дуб не выстоял.

Егор ЯКОВЛЕВ

Продолжение
темы см.

8
на стр.

Сергей ХВОРОСТОВ